

**Сборник материалов
V и VI Международных научно-богословских
чтений памяти св. прп. схиархиепископа
АНТОНИЯ (АБАШИДЗЕ)**

Информационно-издательский отдел Бишкекской епархии
Бишкек, 2018

По благословению Преосвященнейшего Даниила, епископа Бишкекского
и Кыргызстанского

**Пятое и шестое международные чтения памяти св. схиархиепископа
Антония (Абашидзе):** Сборник материалов. – Бишкек: Информационно-издательский отдел Бишкекской епархии, 2018. – XX с.

В сборник вошли статьи, доклады и сообщения, посвященные истории и современному состоянию Православия в Киргизстане и Средней Азии, актуальным проблемам образования и воспитания, отчеты о проектной деятельности Бишкекской епархии и другие материалы, представленные к обсуждению на Пятых и Шестых Международных научно-богословских чтениях памяти преподобного схиархиепископа Антония (Абашидзе). Данные ежегодные Чтения проводились в 2016 и 2017 годах Бишкекской епархией Русской Православной Церкви в качестве регионального этапа Международных Рождественских образовательных чтений. Статьи публикуются в авторской редакции.

Содержание

ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНСКОЙ/СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЕПАРХИИ

Ю. С. Флыгин

Владыка Софония (Сокольский) – устроитель Туркестанской епархии-Протоиерей Александр Гайченя

Епископ Александр (Кульчицкий) – основатель Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря

О. И. Ходаковская

«Твой неизменный Неофит...». К портрету епископа Туркестанского Неофита (Неводчикова)

Протоиерей Василий Марущак

Схиархиепископ Антоний (Абашидзе) – князь, святитель, исповедник **Протоиерей Сергей Стаценко, Р. В. Дорофеев**

Кенотаф? Загадка Ташкентской могилы епископа Сергей (Лаврова)

ПАМЯТИ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Е.Е. Озмитель

Монахи Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря в годы советской власти...

Архимандрит Иосиф (Еременко)

Об увековечении памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской в Казахском Митрополичьем округе

Протоиерей Вадим Алексеев

Полигон «Жаналык» – Алматинское «Бутово» – и его Собор священномучеников

Иерей Владимир Воронцов

Об окормлении киргизстанской паствы новомучениками Таразскими. Дополнения к житиям сщмчч. Алексия (Орлова), Константина (Аксенова), Феодора (Маляровского) и мч. Наталии (Сиваковой)

Т.А. Бабакова, Е.Е. Озмитель

Два проекта Бишкекской епархии – одна цель («Наш вклад в дело прославления святых Киргизстана» и «Знаешь ли ты историю Православия в Киргизстане?» 2016 г.).....

О проекте Бишкекской епархии «Памяти новомучеников и исповедников земли Киргизстанской в XX веке послуживших» (2017 г.).....

Отчеты о результатах церковно-краеведческой работы, проведенной на приходах Бишкекской епархии в 2016–2017 гг.

Бабий Лог – место массовых захоронений жертв советских репрессий (с. Тюп).....

Отчет о проведении поисковых работ в Ошском благочинии.....

Епархиальная экспедиция к тайным горным скитам Джалал-Абадской области.....

Из истории прихода в с. Новопокровка.....

Из истории прихода храма Рождества Богородицы в с. Ленинское.....

Информация о месте расстрела священников близ храма Казанской иконы Божьей Матери в г. Кара-Балта.....

КАТЕХИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

О.В. Розина

Преподавание религиозной культуры в светской школе: опыт, проблемы, перспективы.....

Протоиерей Вадим Алексеев

Революция – горькое следствие религиозного невежества.....

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проект положения о православных общинах (протоиерей Сергей Стаценко).....

История Туркестанской/Среднеазиатской епархии

Ю. С. Флыгин

Ташкентская Духовная семинария, Узбекистан

ВЛАДЫКА СОФОНΙΑ (СОКОЛЬСКИЙ) – УСТРОИТЕЛЬ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЕПАРХИИ

В середине позапрошлого века Российская империя в результате противоречивой объективной динамики общественно-политических процессов в регионе была вынуждена начать свое продвижение в Среднюю Азию и на значительной части ее территории установила свою административную власть. В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. В регионе появилось и стало постепенно численно возрастать европейское, преимущественно православное население.

Это в свою очередь поставило вопрос о формировании церковной инфраструктуры, необходимой для духовного окормления верующего населения, к каковому тогда относилось абсолютное большинство русского народа. Устроителем церковной жизни в Русском Туркестане был епископ Софония (Сокольский), первый архипастырь образованной в 1871 году Ташкентской и Туркестанской епархии, «лучший знаток Востока среди тогдашних русских архиереев» [1].

О том, с какими большими проблемами сталкивался в своей деятельности по устройению епархиальной жизни владыка Софония, свидетельствуют его отчеты в Св. Синод, хранящиеся ныне в Российском государственном историческом архиве. Копии этих отчетов, сделанные в относительно недавнее время, хранятся также в архиве Алма-Атинской епархии Казахстанского митрополичьего округа, и с ними автор имел возможность ознакомиться при написании данного материала.

В своем отчете за 1872 год, первый год его служения, епископ Софония сообщал, что в Верном, кафедральном городе Туркестанской епархии, даже не имелось приличествующего епископской кафедре храма. Владыка сообщал, что в Верном «кафедрального собора нет, он только заложен, и с 1869 г. существует в одном лишь фундаменте... Теперь заготавливаются материалы и с открытием весны думают открывать и самую работу. Вследствие чего архиерейская кафедра по началу поставлена была в деревянной церкви Мало-Алматинской станицы, где и служение мною было

совершаемо. Затем, с 11 ноября, во время освящения новой каменной церкви в Большой Алматинской станице, ближайшей к местности будущего города, и кафедра и служение архиерейское перенесены в эту последнюю, с обращением ее на время в Туркестанский кафедральный собор» [2].

По сообщению епископа Софонии, православное население города Верного и двух ближайших станиц Большой и Малой Алматинских, в общей сложности насчитывающее более 9 тысяч только одних мужчин, относилось все к одному приходу, поскольку церковь была лишь одна – в Малой станице. Лишь к началу служения преосвященного Софонии была построена отдельная церковь в Большой станице, которая и стала временно выполнять роль кафедрального храма.

«Положение архиерейского дома таково, – сообщает в отчете владыка Софония, – начало предполагаемой постройки положено, место под дом и Консисторию с садом, мною избрано и занесено на план, на возведение самих зданий составлены план и смета» [2].

Владыка отмечает, что во всем тогдашнем Туркестанском крае, состоявшем из двух областей – Семиреченской (с центром в Верном) и Сырдарьинской (с центром в Ташкенте), число церквей невелико – всего 29, из них в первой области – 14, во второй – 15. Епархия первоначально состояла из 3 благочиний, причем в большей Сырдарьинской области было всего одно благочиние. Вообще, замечает владыка, «церкви в Туркестане удалены одна от другой на такое пространство, что с крайним трудом обозреваются благочинными и то – не все. А это вело к тому, что благочинные, не делая личных осмотров, дознаний и расследований по церквам своих ведомств, довольствовались рапортами и объяснениями по каждому делу от самих причтов» [2]. В интересах дела преосвященный Софония Сырдарьинскую область разделил на два благочиния.

Говоря о священстве епархии, архиерей отмечает, что почти все пастыри в Туркестане имеют полное семинарское образование, а также «молоды, энергичны, немного поспешны и даже своеобразны в умозрениях, действиях, выводах, целях и отношениях между собой и ко властям» [2]. Вместе с тем он сообщал в этом же отчете, что во многих храмах «Божественная литургия совершается как будто убого и бедно; по крайней мере без подобающего приличия и полноты... допускаются разные вольности и отступления от служебника, обличающие иных в непростительном легкомыслии и невнимательности к делу Божию, а других – в неизучении должного чина литургийного и в неумении совершать святейшее

Таинство... не все говорят на ектениях, торопятся, не обращают внимание на смысл читаемых молитв... воздевая руки делают это кривляясь и карикатурно, производя же каждение, кадят торопливо и как бы бегая по алтарю и церкви» [2].

Говоря о пастве, владыка Софония в целом положительно отзывался о ней. По его утверждению, все православные жители края «посещают храмы, и, сколько возможно, выполняют, особенно в городах, все лежащие на них христианские обязанности». Особенно же он отметил «благоговейно-деятельное расположение к храмам Божиим и непритворное сочувствие к нуждающемуся человечеству» [2].

Архиерей в отчете дал высокую оценку той помощи, которую оказывают Православной Церкви и ее духовенству представители краевой администрации. Он благодарно отметил содействие со стороны Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и Семиреченского областного губернатора Г.А. Колпаковского, перечислил конкретные примеры обильной помощи со стороны этих администраторов, в том числе часто жертвовавших на церковные нужды собственные средства.

Это опровергает утверждения некоторых церковных прошлых и современных авторов, бездоказательно утверждавших, что генерал Кауфман чуть ли не препятствовал делам Церкви в управляемом им крае.

От глаз архипастыря, однако, не укрылись и порочные недостатки в обычном поведении части паствы. Он упоминал о пьянстве, о деятельности раскольников.

В отчете в Св. Синод за 1875 год владыка Софония сообщает, что всего православных храмов в епархии насчитывается 32, то есть их число после 1872 года увеличилось на 3. С удовлетворением он отмечает, что в ряде населенных пунктов идет возведение новых капитальных каменных храмов вместо прежних маленьких, временных церковных построек. Однако, дело часто тормозилось из-за нехватки мастеров-строителей.

В упомянутом отчете за 1875 год преосвященный Софония сообщает, что в начале 1874 года всем «более достаточным из церковей градских и сельских было вменено в обязанность озаботиться заведением библиотек церковных». Но пока библиотеки имелись только при 4 храмах «и то очень скудные».

Относительно церковных служб, архиерей отмечает, что им «замечено немало отступлений от церковного устава. Большая часть так называемых церковников нисколько не знакомы с теми предметами, кои составляют обязательное их занятие. Почти все они читают и поют дурно,

Церковного устава никто из них не только не знает, но многие и не видят его. Большая часть из них ведут и жизнь нетрезвую, а из тех, кои живут сдержаннее и могли бы петь и читать порядочнее, к сожалению, не все видят в самих настоятелях храмов должное внимание к клиросным действиям» [3].

В отчете за 1876 год владыка Софония сообщает уже о 39 храмах в епархии, однако «при 7 церквах иереев не было, приходы же их заведываемы были священниками из ближайших соседних церквей» [4]. Увы, за прошедшие годы не сдвинулось с места строительство кафедрального собора. «Постройка кафедрального собора в Верном, – писал архипастырь, – по сие время ограничивается тем же фундаментом, который складен еще до моего приезда в Верный и который по его слишком малым размерам в длину и ширину предположено разобрать и сделать новый. Составленный в начале отчетного года комитет по постройке сего собора, состоя под главным распоряжением военно-народной администрации Туркестанского края и при новом архитекторе, еще не начинал своих действий, не начинал, как слышно, за не отпуском из Главного управления края сумм, потребных для собора. То же самое должно сказать и о соборе Ташкентском» [4].

В 1877 году к юбилейному празднованию – 50-летию служения в священном сане, владыка Софония был удостоен сана архиепископа. В ноябре того же года он скончался и был похоронен в городе Верном, в этом центре епархии, устройению которой он отдал много своих сил.

Литература и источники

1. Митрополит Владимир (Иким). По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. Москва: М. Сканрус, 2011. С. 315.
2. Архив Алма-Атинской епархии (ААЕ). Архивные копии документов из Российского государственного исторического архива Ф. 796. Оп. 442. Д. 502. (листы архивных копий здесь и далее не пронумерованы).
3. ААЕ. Ф. 796. Оп. 442. Д. 608.
4. ААЕ. Ф. 796. Оп. 442. Д. 712.

Протоиерей Александр Гайченя
ключарь храма Христа Спасителя г. Алматы,
зав. кафедрой церковно-исторических дисциплин
Алматинской духовной семинарии, Казахстан

ЕПИСКОП АЛЕКСАНДР (КУЛЬЧИЦКИЙ) –
ОСНОВАТЕЛЬ СВЯТО-ТРОИЦКОГО ИССЫК-КУЛЬСКОГО
МОНАСТЫРЯ

Истинная миссия Православия в Туркестане виделась в том, чтобы мусульмане стали терпимо и с уважением относиться к христианам. В 1899 году ферганский губернатор Чайковский писал государю: «Цель сближения правительства с местным мусульманским населением будет вернее достигнута путем любвеобильного учения Христова. На почве сострадания, милосердия и любви, понятных и мусульманам, гораздо легче может последовать доверчивое сближение различных мировоззрений и достигнуто смягчение отношений. Местному мусульманскому населению желательно дать полное представление и понятие о православном быте, как в нравственных его стремлениях, так и в материальном выражении. Поддерживать светоч Православия в этом краю, как материальными жертвами, так и нравственным сочувствием и содействием, необходимо русскому православному обществу, изобилующему щедрыми ревнителями Церкви. Приток пожертвований на такое великое и благое дело предоставил бы возможность поднять Православие здесь до присущей ему высоты, которая особенно необходима в здешнем краю, не только для удовлетворения религиозных потребностей православных жителей, но и для наглядного знакомства местного населения с высокими принципами христианской морали. Устройство благолепных обителей, широкое развитие церковного строительства, открытие домов призрения для местных убогих, калек и душевнобольных, лишенных в настоящее время всякого попечения, основание училищ для дарового начального образования и изучения ремесел – все это несомненно послужит лучшим средством для полного и доверчивого сближения и утверждения крепкой связи местного населения с русским народом». Именно это место из докладной ферганского губернатора император Николай II выделил, пометив: «Особому вниманию обер-прокурора Святейшего Синода».

В тяжелейших трудах ради душ оказавшихся здесь русских людей совершало свое служение православное духовенство Туркестана. Нет, это

совсем не было похоже на «религию колонизаторов». Западные миссионеры присылали из покоренных стран Азии и Африки рапорты о десятках тысяч обращенных (результаты их деятельности обычно рассыпались в пыль, как только «просветители» уходили восвояси). Что же было в российском Туркестане? Никакого миссионерства среди мусульманских народов Туркестанская епархия практически не вела (хотя временами и делались ширококвещательные заявления о «нужности» такой работы). А на робкую попытку епископа Григория (Полетаева) организовать проповедь среди киргизов-язычников ответом явился указ генерал-губернатора Вревского от 6 марта 1893 года: «Управление религиозными делами кара-киргизов предоставляется сартскому [то есть узбекскому] мусульманскому духовенству».

В 1912 году епископ Димитрий (Абашидзе) приводил весьма своеобразную статистику «обращений» за весь период присутствия Российской империи в Туркестане. В течение этого периода крестились восемь кара-киргизов, два туркмена, три сарта (узбека) и один перс (вероятно, таджик). И это вся миссия почти за столетия! В то же время девять русских в Туркестане приняли мусульманство, среди них оказался даже священник по фамилии Громов (последний, впрочем, пробыл в исламе всего шесть лет: побывав даже муллой, он впоследствии вернулся в лоно Православия). Очевидно, эти немногие люди переменили веру из внутренних побуждений, что нисколько не затронуло общих дружественных отношений между православными и мусульманами.

Архимандрит Александр (Кульчицкий) прибыл в середине февраля 1878 г. из Рима в Петербург. 7 марта 1878 г. в Св. Синоде состоялось его наречение во епископа Туркестанского и Ташкентского. При наречении архимандритом Александром была произнесена речь, которая произвела самое благоприятное впечатление на всех присутствовавших. Вот что говорил архимандрит Александр:

«Ваше Святейшество!

Милостивейшие Архипастыри и Отцы!

Изволением Божиим и усмотрением Вашего Святейшества мне предназначается ново служение. В сущности это служение будет то же, что и прежде, то есть служение Церкви и отечеству, только на новом месте, в высшем сане, с большими против прежнего правами и властью, на большем пространстве. Условия, бесспорно, очень благоприятные для желающего еще потрудиться по мере своих сил. А между тем я смущаюсь, и смущение мое почти однородно с тем, какое я испытывал тридцать с лишним

лет тому назад, когда блаженной памяти незабвенный иерарх Литовский Иосиф возлагал на меня свои святительские руки, посвящая меня во иерея к приходской церкви, находящейся на западной окраине нашего отечества. И вот теперь передо мною опять окраина и какая еще! — Одна из отдаленнейших восточных наших окраин.

На всякой окраине, особенно же отдаленной, естественно предполагать недостаток в людях для дела, трудность в сношениях на больших пространствах, замедление в делах и другие препятствия и затруднения, возможные только на окраинах. Затем на всякой окраине, какова бы она ни была — дальняя или близкая, — всегда неизбежно есть элементы, враждебные православной вере и русской народности. На восточных окраинах наших таких элементов более, чем где-либо в ином месте, так как там значительное большинство народонаселения — не христианское и не русское. Посему, если на западной нашей окраине всякий священник и тем более епископ должен быть стражем и защитником православной веры и русской народности, то на восточной, сверх всего этого, он должен быть еще миссионером.

Что же? Миссионерское дело мне не чуждо. Скажу более: оно по моей душе, по моим склонностям. Благодаря Богу, я даже имел в нем некоторый успех — не только в Китае, но и в Италии, даже в самом Риме.

Итак, что же меня смущает?

Смущает меня все-таки трудность предстоящей мне миссионерской задачи, не полная уверенность в том, что у меня всегда будут достаточные средства для ее выполнения, и, наконец, смущает меня величие цели, указываемой мне Вашим Святейшеством вместе с настоящим назначением. Трудно миссионерское дело! Оно требует от миссионера, сверх ревности по вере и чистоты намерений, — крайней осторожности, предусмотрительности, терпения, настойчивости. Но еще более трудным становится оно, когда у миссионера ограничены средства. Миссионер без школы, без так называемых катехизаторов-помощников, без средств для неизбежных частых передвижений, без небольшой суммы, дающей возможность оказывать благотворительность, поощрять усердных и проч., — такой миссионер бессилен, как ни пламенна была бы его ревность, как ни велики опытность и искусство.

Наконец, не могу не смущаться и пред величием цели, мне предстоящей. Слишком лестный жребий выпадает на мою долю: пронести Слово Божие до крайних пределов земли русской и возвестить Иисуса Христа народам, еще Его не познавшим! Но если именно такова обо мне воля Божия, если

таково усмотрение Вашего Святейшества, то мне не остается ничего более, как повиноваться, и, подавив в себе смущение, бодро идти в дальнюю страну в надежде, что не буду там оставлен без помощи и содействия».

Из произнесенной архимандритом Александром речи видно, насколько хорошо представлял он задачи и трудности предстоящего ему миссионерского служения. Многие из того, что было им сказано, стало реальной программой его действий на Туркестанской кафедре. Фактически же в речи обобщается многолетний опыт миссионерского служения как самого преосв. Александра, так и других русских православных миссионеров. И в дальнейшем мы будем обращать особое внимание на некоторые ценные высказывания преосв. Александра относительно того, какими должны быть облик православного миссионера и характер его действий.

Каково было состояние Туркестанской епархии в последней трети XIX века? Она была открыта в 1871 г. с центром в городе Верном (современный Алматы) и включала в свой состав огромный Туркестанский край, лишь незадолго до того вошедший в состав Российской империи. Колонизация Туркестана во многих его частях сопровождалась военными действиями (например, были завоеваны Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства), и этим обстоятельством был обусловлен тот факт, что в Туркестане еще долго сохранялась напряженная полувоенная обстановка. Территория Туркестанской епархии охватывала огромное пространство площадью около 1 млн. 200 тыс. кв. верст. Немногочисленное русское православное население края было разбросано по отдельным станицам и военным городкам, практически никак не связанным между собой и окруженным чуждой инородческой средой, в основном мусульманской.

Проблема духовного окормления русских переселенцев в Туркестане стояла крайне остро. Православные приходы и священники имелись лишь в небольшой части русских поселений. К 1871 г. в Туркестанском крае насчитывалось лишь 26 приходов (из них 16 — в военных гарнизонах и 10 — в станицах). Через семь лет, когда на Туркестанскую кафедру прибыл преосв. Александр, число приходов возросло до 37. Между тем, по замыслу русского правительства, Православная Церковь, должна была играть важную роль в деле колонизации Туркестана, являясь как бы мостиком между оторванными от своих корней переселенцами и их родиной, постоянно напоминая им о необходимости соблюдения высоких и вечных моральных норм и сохранения национальных традиций, поддерживая их духовную культуру. В тех русских селениях, где не было православного храма и священника и где не совершались регулярные богослужения, давно

оставившие родной край переселенцы начинали со временем забывать свои обычаи, в их среде быстро распространялись различные нравственные пороки, нередко они попадали под влияние сектантов (молокан и др.), недалеко видя высылавшихся русским правительством на окраины империи, или сливались с местным инородческим населением, перенимая его обычаи и культуру. Разумеется, это не могло не вызывать беспокойства местных властей. Так, в 1869 г., ходатайствуя перед Св. Синодом об учреждении самостоятельной Туркестанской епархии, генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман в частности писал: «В Туркестанском генерал-губернаторстве, на окраине, где с православной верой соприкасается мусульманство <...>, нельзя без ущерба для государственной религии <...>, забросить туркестанскую паству. Кроме чисто религиозного значения, неурядиство этой паствы весьма вредно влияет и на прочность нашего положения в мусульманском крае. Желая фактами доказать превосходство христианской цивилизации над магометанством, мы должны обнаружить прежде всего полную и всецелую преданность требованиям нашей веры и никак не довольствоваться бедными часовнями и молитвенными домами с недостаточным количеством священнослужителей и убогой обстановкой при богослужении <...>. Открытие епископской кафедры в пограничном крае, населенном магометанами и язычниками, неоспоримо, должно будет благотворно повлиять не только на пришлое русское население, но и на туземцев».

Одной из главных проблем Туркестанской епархии была нехватка священнослужителей. В 1878 г. в клире епархии числилось 48 священников, тогда как по штату полагалось 55. Как отмечал преосв. Александр в своем отчете о состоянии епархии за 1878 г., «встречаются большие затруднения в замещении вакантных священнических мест. Желающих поступить в здешний край на службу бывает так мало, что нет никакой возможности сделать выбор. Затем, в случае изъявления кем-либо согласия, на официальную переписку, получение прогонов и переезд священника к месту нового служения уходит иной раз более года времени, в течение которого прихожане остаются без пастыря и служб церковных». В связи с этим священнические места подолгу пустовали и нередко занимались людьми случайными, равнодушными к делу духовного просвещения, часто просто необразованными. Для успешной же просветительской деятельности нужны были люди совсем иного склада. Поэтому не случайно самые светлые периоды епархиальной жизни в Туркестане падали на то время, когда епархией управляли высокообразованные и гуманнейшие святители, как,

например, Софония и Александр.

Таким образом, на плечи преосв. Александра лег тяжелейший груз в виде огромнейшей, неустроенной, бедной в материальном отношении епархии, в которой, однако, необходимо было как-то благоустроить церковную жизнь. Какого напряжения всех душевных и физических сил стоило решение этой задачи, хорошо видно из письма преосв. Александра к преосв. Савве от 20 января 1881 г., в котором выражены впечатления Туркестанского архипастыря от знакомства с епархией и состоянием епархиальной жизни. Вот что писал преосв. Александр:

«Ваше Высокопреосвященство, милостивый Архипастырь и Отец!

Из Рима я переселился в Туркестан. С Римом не хотелось расставаться. Я употреблял все усилия к тому, чтобы остаться в Риме. Италия и Туркестан, вечный город и 80-летний Верный — одни эти сопоставления уже много говорят... Затем, я ведь хорошо знал, чем пользуюсь в Риме и что ожидает меня в Верном.

Меня посылали сюда, главным образом, как миссионера, но один в поле — не воин. Со своей стороны я сделал, что мог. Разъезжая по моей обширнейшей епархии, я познакомился со многими почтенными личностями из инородцев. Они меня навещают довольно часто, внимательно и с большим любопытством рассматривают мои картины и фотографии, спрашивают на память книжки на русском языке, с которым многие из них уже несколько знакомы. Сближение началось, взаимные предубеждения разрушены, но до полной доверчивости, до задушевности еще далеко, так как для этого необходимо чаще сталкиваться и не в одной только моей гостинице. Впрочем, я доволен и тем, что имею возможность их изучать. Все они очень плохие мусульмане, быстро привыкают к нашей национальности, чужды религиозного фанатизма и, без сомнения, горячо полюбили бы русских, если бы в среде их не было уездных начальников, немногим отличающихся от китайских ненасытных чиновников.

Следовало бы работать, не подобало бы упускать драгоценное время, но, во-первых, мне не дают помощников, а во-вторых, наша местная центральная власть против всяких миссионерских действий. Даже в Кульджинском районе, временно нами занимаемом, ревниво охраняются буддизм, шаманство, ламаизм, магометанство и даже грубое идолопоклонство от посягательства на них христианского миссионера. Где источник этой необъяснимой любви ко всем религиям, за исключением своей собственной? <...>

В Туркестанской епархии с лишком 50 приходов, но храмов,

заслуживающих этого названия, не наберется и пяти. Кафедральный собор в Верном и городской собор в Ташкенте, начатые постройкой 7–8 лет тому назад, представляют собой груды мусора, поросшего высокой травой <...>. Архиерейский дом, безобразнейший по внешности, без всяких удобств, без служб, с необитаемой мансардой, еще до окончания постройки растрескался по всем направлениям, и я считаю чудом, что он не похоронил меня под своими развалинами во время последнего, очень сильного землетрясения. Единственная хорошая вещь, которой я обладаю, — дача в горах: две комнатки с верандой и около двух десятин сада, переполненного дикими яблонями, — прохлада, обилие воды, чистого воздуха, уединение — прелесть! Жаль только, что наш дачный сезон бывает очень короток, не более полутора месяцев, так как в горах весьма рано выпадает снег.

Большую часть моей епархии я уже обозрел: был и в Ташкенте, был и в Кульдже. Осталось несколько церквей за озером Иссык-Куль и города Маргилан, Самарканд, Ходжент да несколько фортов. Все это надеюсь увидеть в настоящем году, для чего мне придется сделать более двух с половиной тысяч верст по первобытным путям, где на конях, где на верблюдах. Смущают меня не трудности пути, а то, что я буду плохо вознагражден за труд. Наперед знаю, что ничего не увижу ни замечательного, ни любопытного, ни даже курьезного. Поистине удивительная страна! Никаких следов прошедшей жизни, между тем как несомненно, что люди здесь жили раньше, чем в Европе. Оставим ли мы, русские, здесь свой след? — Конечно, оставим, но какой?..».

Годы служения в Туркестане, безусловно, отняли у пресв. Александра, человека уже немолодого и не очень крепкого здоровьем, немало лет жизни. Однако ему удалось многое. Именно с его именем связано начало в Туркестане настоящей православной миссии. Этому делу он посвятил все свои труды и силы. Обращает на себя внимание та удивительная скромность, с которой сам святитель говорит о своих делах на ниве духовного просвещения и миссионерства во вверенной ему епархии, — в действительности дела эти заслуживают самой высокой оценки и уважения.

Хорошо ознакомившись с состоянием Туркестанской епархии, преосв. Александр пришел к убеждению о необходимости учреждения здесь специальной православной миссии, признавая за ней в связи с местными условиями не только чисто религиозные, но и государственное значение. Отсутствие миссии среди местных инородцев было, по мнению преосв. Александра, главной причиной их крайне слабого притока в православие.

Священники епархии, обремененные службой в приходах, растянутых на десятки, а то и сотни верст, еще обязанные, кроме того, преподавать Закон Божий в народных школах и военных гарнизонах, просто не имели физической возможности посвятить себя еще и миссионерскому делу. Препятствовало делу миссии и незнание местным духовенством, окормлявшим русских поселенцев и военных, инородческих языков, а инородцами — русского языка. Учреждение же специальной миссии должно было бы способствовать распространению и усилению православия в Туркестанском крае, что, естественно, ослабило бы воинствующий исламизм и лучше всего способствовало бы сближению местных инородцев с русскими. Поэтому деятельный архипастырь немедленно приступил к осуществлению своего намерения учредить в Туркестане православную миссию. И здесь он нашел поддержку со стороны Православного Миссионерского общества, которое в это время также озабочено возможным созданием миссии для распространения веры Христовой среди туркестанских народов. В 1870 г. вопрос о создании такой миссии уже поднимался в Св. Синоде, и тогда Православному Миссионерскому обществу было поручено изучить имеющиеся для этого возможности. Однако тогда Православное Миссионерское общество, основываясь на сведениях, получаемых из Туркестана, нашло открытие миссии преждевременным в силу беспокойной обстановки в Туркестане (волнения среди киргизов и проч.). И вот спустя 10 лет вопрос о создании миссии был поднят вновь. По этому поводу Совет Православного Миссионерского общества 28 марта 1881 г. отправил преосв. Александру специальный запрос. Таким образом, дело создания православной миссии в Туркестане сдвинулось с мертвой точки.

Для того, чтобы дело создания миссии пошло успешно, преосв. Александру прежде всего было необходимо заручиться согласием и поддержкой местных властей, но действовать тут нужно было с особыми осторожностью и тактом, так как власти края смотрели на учреждение в крае православной миссии для просвещения инородцев в целом не совсем благосклонно. Причина этого заключалась в опасениях проявления фанатизма со стороны местных мусульман, которые в учреждении и деятельности миссии могли усмотреть посягательство на свою веру, что, в связи с общей беспокойной обстановкой в этом недавно покоренном и еще не умиротворенном крае, было чревато непредсказуемыми и опасными последствиями. Поэтому преосв. Александр, обращаясь со своим проектом к властям края с просьбой о содействии этому благому начинанию,

счел необходимым подробно и основательно аргументировать ее. С этой целью он 19 июня 1881 г. направил Туркестанскому генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому обстоятельную записку, в которой подробно изложил религиозно-нравственное состояние различных инородцев края, их отношение к русским и к православной вере и отсюда уже сделал вывод о необходимости, возможности и совершенной безопасности учреждения в крае православной миссии в форме, на первое время, монастыря с миссионерским характером. В своей записке преосв. Александр убедительно доказывает, что православная миссия среди некоторых категорий инородцев могла бы быть весьма успешной, так как их нынешнее религиозные верования — ламаизм у калмыков и мусульманство у киргизов, дунган и отчасти сартов — весьма поверхностны и непрочны, и «ни фанатизма, ни даже слишком сильной приверженности к исповедуемым религиям в них не замечается». По мнению преосв. Александра, «присутствие в среде инородцев нескольких миссионеров, владеющих местными наречиями и хоть немного знакомых с арабской письменностью, быстро увеличило бы число обращений к православию, заметно сблизило бы с русским христианским населением края наших туземцев и надежно предохранило бы их от всяких внешних вредных влияний». И весь опыт деятельности православных русских миссионеров в XIX – нач. XX в. подтверждает правоту этих мыслей преосв. Александра. Миссионерский монастырь, согласно его замыслу, должен был стать центром религиозного просвещения местного края (прежде всего Семиреченской области и обитающих здесь киргизов, служить местом паломничества и рассадником ревностных монахов-миссионеров.

Генерал Г.А. Колпаковский, человек истинно русский, глубоко верующий, правильно понявший и оценивший важное значение для края православной миссии, с живейшим сочувствием отнесся к намерениям преосв. Александра и выразил полную готовность всеми зависящими от него средствами содействовать их осуществлению. 18 июля 1881 г. он отвечал преосв. Александру:

«С живейшим интересом и глубокой благодарностью прочитал я высокопоучительное послание Вашего Преосвященства, в коем Вы изволите указывать на необходимость, своевременность и полную возможность приступить ныне же к постепенному осуществлению великой задачи духовного воссоединения с нами туземцев Туркестанского края путем учреждения миссионерского монастыря — благочестивой школы будущих основательно подготовленных и образованных проповедников

православия. Вполне и сердечно сочувствуя высокой мысли Вашего Преосвященства, я не только не имею в виду никаких препятствий к ее осуществлению, а напротив, обязываюсь оказать все зависящее от меня содействие и, по возможности, облегчить дело устройство монастыря отпуском леса, отмежеванием земли, отводом рыбных ловлей и всеми другими материальными средствами, какими может располагать администрация к скорейшему и благоприятнейшему окончанию этого важного и полезного дела».

Для устройства миссионерского монастыря, по указанию Г.А. Колпаковского, администрацией края было выделено 500 десятин плодородной земли с богатыми пастбищами и обильными рыбой заливами в местности Курмекты (ныне с. Курменты Тюпского р-на Иссык-Кульской обл. Киргизстана) на северном берегу озера Иссык-Куль.

По замыслу преосв. Александра, будущая Миссия должна была состоять из людей образованных. По этому поводу 5 августа 1881 г. он писал заместителю председателя Православного Миссионерского общества преосв. Амвросию (Ключареву), епископу Дмитровскому, следующее:

«Ваше Преосвященство будете так добры, что не откажетесь поддержать и провести, при случае, мое мнение о том, что проектируемая Туркестанская Миссия должна быть непременно ученая, то есть в личном ее составе по меньшей мере одна половина членов должна быть с академическим, а другая — с полным семинарским образованием. Само собой разумеется, что на такие послушания, как, например, заведование хозяйством монастыря в качестве эконома, заведование ризницей и совершение очередных служений в храме, могут быть приглашаемы Миссией иеромонахи и не получившие полного богословского образования. Но эти служебные чины, конечно, не будут ни считаться миссионерами, ни заниматься миссионерством, так как это дело им не по силам. Настоящий миссионер, на которого можно было бы положиться и за успех которого можно было бы поручиться, по моему убеждению, должен по меньшей мере знать и знать отчетливо, основательно, как то, что он проповедует, так и то, против чего он вооружается, — например, у нас в Туркестане, он должен знать, что такое магометанство, буддизм и шаманство. От настоящего миссионера нельзя не потребовать, чтобы он изучил местные наречия туземцев и не срамил себя ведением бесед через bestолковых толмачей. Настоящему миссионеру, безусловно, нужно пользоваться почетом, уважением и считаться авторитетом, как в глазах туземцев, так и в среде русских, хотя бы для этого, в крайнем случае, понадобилось повесить на стене ученый

диплом. Очевидно, что такие требования и многие другие в этом же роде могут быть обращены только к образованным монахам. Что же касается того замечания, что для образованных миссионеров потребуются более высокие оклады, жалования, то на это можно возразить, что несомненно полезнее для дела составить Миссию в самом скромном размере, например, не более как из четырех лиц, но образованных и способных, чем из 8-ми и даже из 16-ти невежественных и неспособных».

Такой взгляд на характер и состав Туркестанской миссии преосв. Александр неоднократно и настойчиво повторял и после, по разным случаям. При том составе Миссии, какой предполагал преосв. Александр, миссионерский монастырь мог бы сделаться просветительским центром, из которого свет христианской веры распространялся бы по всему неосвоенному и малокультурному краю. Просвещенные иноки-миссионеры прежде всего должны были бы трудиться над выполнением своей прямой миссионерско-просветительской задачи — живой проповеди Слова Божия, а также открывать школы и издавать необходимые книги на иностранных языках. Кроме того, образованные миссионеры с пользой для своего дела и науки могли бы заняться изучением истории и древности местного края, который некогда играл важную историческую роль, составляя центр обширной и могущественной империи Тамерлана и потому полный важных и интересных исторических памятников. Множество различных исторических памятников оказалось даже на самом месте, предназначенном для будущего монастыря и около него, что сразу было замечено опытным глазом просвещенного архипастыря при первом же посещении этого места. В мае 1882 г., приехав на Иссык-Куль для выбора места под монастырь, преосв. Александр сделал несколько интересных археологических находок и, заинтересованный ими, успел за короткое время собрать небольшую коллекцию различных древностей — сосудов, орудий и т.п., которую он предназначил для будущего монастырского музея. В будущем монастыре он планировал создать библиотеку и церковно-археологический музей, которые, по его мнению, «должны вообще составлять необходимую принадлежность миссионерского монастыря» и для которых он предполагал выделить книги и археологические экспонаты из собственной библиотеки и коллекции.

Миссионерский монастырь мог бы также оказывать весьма благотворное религиозно-нравственное влияние на местный край в целом — как на православных, так и на инородцев, — как место молитвы и источник благочестия, как святыня, в которой находило бы для себя удовлетворение

религиозное чувство местных жителей. Сами собой устранились бы и многие нестроения и беспорядки в религиозной жизни местного православного населения, неизбежные в столь отдаленном крае.

24 октября 1881 г. преосв. Александр обратился в Св. Синод с ходатайством об учреждении в Туркестане миссионерского монастыря и в особом письме к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву просил о поддержке этого начинания. 31 марта 1882 г. Св. Синод разрешил преосв. Александру приступить к созданию монастыря. Но еще раньше получения официального разрешения Совет Православного Миссионерского общества на своем заседании 17 сентября 1881 г. постановил выделить из средств общества 20 тыс. рублей на первоначальное устройство монастыря.

Получив разрешение Св. Синода, преосв. Александр в мае 1882 г. отправился на Иссык-Куль, где на северном берегу озера, в 12 верстах к западу от села Преображенское и в 40 верстах от города Каракол (ныне Пржевальск), выбрал место для монастыря и 21 мая 1882 г. освятил его, установив крест. Таким образом, начало делу создания в Туркестане миссионерского монастыря было положено.

К началу 1883 г. был построен домик для насельников, прибыли первые послушники. Весной 1883 г. начались работы по постройке других хозяйственных монастырских служб. Особенно заботила преосв. Александра мысль о скорейшей постройке монастырского храма. Он хорошо понимал, что монастырь только тогда станет настоящим монастырем, только тогда будет оказывать на население доброе и сильное нравственно-религиозное влияние, когда в нем будет устроен благолепный православный храм и начнется регулярное богослужение. По этому поводу он писал 23 июля 1882 г. преосв. Амвросию следующее:

«О необходимости сейчас же приступить к сооружению храма на избранном для монастыря месте мне не следовало бы заводить и речи, так как это само собой разумеется. После водружения креста на берегу залива Узкого многие из присутствовавшего народа спрашивали меня, когда же будет закладка храма. По окончании молебствия на столике около водосвятной чаши оказалось много медных монет, а по сторонам столика — куски холста, платки, полотенца и т. п. Когда я спросил жертвователей о назначении их приношений, то они мне отвечали, что это на храм Божий, который здесь будет строиться. Когда я направлялся в обратный путь, то жители Каракола, Преображенского и других мест просили меня выдать им подписные листы для сбора добровольных приношений опять-таки на храм, который будет строиться в Курмекты. Положим, что эти приношения не

превысят суммы в несколько сот рублей, но драгоценна здесь не величина пожертвованной суммы, а то оживление религиозного чувства, охладить которое замедлением постройки монастырского храма было бы весьма грубой и непростительной ошибкой в переживаемое теперь нами время». В деле создания миссионерского монастыря большую помощь преосв. Александру оказывали преосв. Амвросий (Ключарев) и К.П. Победоносцев. По их ходатайству Св. Синод 24 января 1883 г. постановил выделить на устройство монастыря еще 25 тыс. рублей. Таким образом, к началу 1883 г. материальная сторона дела по учреждению монастыря была устроена, оставалось лишь найти достойных и способных насельников. Силы самого преосв. Александра были не беспредельны, к тому же все более давали о себе знать разные телесные немощи и недуги как следствие многотрудной скитальческой жизни. Без надежного помощника дело устройства монастыря продвигалось плохо, поэтому 22 января 1883 г. преосв. Александр обратился в Совет Православного Миссионерского общества с просьбой содействовать назначению настоятелем монастыря хотя бы на несколько лет помощника начальника Алтайской Духовной Миссии, игумена Макария (Невского), будущего епископа Томского, выдающегося миссионера, но это назначение не состоялось.

Особо следует подчеркнуть, что в заботах по созданию на Иссык-Куле монастыря преосв. Александр показал себя не только ревностным архипастырем-миссионером, но и опытным и рачительным хозяином. Он быстро оценил экономические возможности той местности, в которой предполагалось устроить монастырь, и наметил цели его будущей хозяйственной деятельности, которая могла бы приносить монастырю значительный доход и соответственно покрывать расходы на миссионерскую деятельность. Вот что писал преосв. Александр по этому поводу 23 июня 1882 г. преосв. Амвросию:

«По отзывам иссык-кульских поселенцев, одна десятина земли в этой местности дает сбор в среднем 100–150 пудов чистого зерна. Случается получать и 200 пудов, и не считается удивительным, если кто снимет и 300 пудов. На том же участке земли имеются прекраснейшие луга, дающие ежегодно богатейший и отличного качества укос. Если под пашни и сенокос отделить 300 десятин, то еще останется 200 под пастбища для отборного скота, сверх вольных выгонов по берегу озера, по подгорьям и в самих горах. Очевидно, что таких превосходных качеств 500 десятин земли будет достаточно, на первых порах, для хозяйства монастыря. Сверх прекрасных качеств почвы и благоприятных климатических условий

местность Курмекты имеет и другие преимущества. Так, из 72 рек и речек, впадающих в Иссык-Куль, река Курмектинка пользуется особенным вниманием прежде всего за качество ее вод, чистых, прозрачных и настолько доброкачественных, что залив Узкий, в который она впадает, предпочтительно перед другими заливами посещается рыбой озера и считается лучшей, обильнейшей и удобнейшей рыбалкой. «Монахи не будут покупать рыбу», — показывая на залив, говорили мне многие.

Как на лучший, простейший и наиболее прибыльный способ использования отводимых 500 десятин земли, сведущие иссык-кульские жители указывали мне не столько на земледелие, — с которого, впрочем, необходимо будет начать, — сколько на скотоводство вообще, — главным же образом, на разведение улучшенных пород рогатого скота, породистых лошадей, тонкорунных овец и т. п. на все это не потребуется слишком больших за один раз затрат капитала, если начать дело в скромных размерах и продолжать с настойчивостью и постоянством. Немаловажной статьёй дохода может быть также пчеловодство, для которого, как в ближайших горах, так и на курмектинской площади имеются все благоприятные условия. Мед и воск охотно и по весьма хорошим ценам приобретают, как наши инородцы, так и купцы из Кашгара. Впоследствии, с развитием скотоводства, на монастырской ферме можно будет сделать опыт сыроварения. У окрестных поселян, равно как и у киргизов, рогатого скота очень много, и они часто не знают, куда девать молоко и что делать с ним. Также впоследствии опытный эконом мог бы придумать либо перенести сюда из европейской России лучший способ заготовления впрок иссык-кульской рыбы, так как ныне существующий способ, практикуемый поселенцами, весьма первобытен и только портит и переводит рыбу. Для искусственного разведения новых пород рыб имеются поблизости монастыря готовые резервуары, наполняемые водой горных речек и родников. Так как на монастырской стороне Иссык-Куля есть многие признаки минеральных источников, что подтверждается и высокой температурой воды в Иссык-Куле, не замерзающей и в самые суровые зимы (Иссык-Куль в переводе с киргизского — теплое озеро), то на Курмекты можно устроить телесную лечебницу, поблизости лечебницы духовной, для пользы ближних и без убытка для себя... Вообще же на Иссык-Куле работы всякой, как практико-экономической, так и ученой, еще непочатый край».

Из всего вышесказанного видно, как широко смотрел преосв. Александр на деятельность будущей Туркестанской Миссии и какие разнообразные цели и задачи указывал для этой деятельности. Одновременно преосв.

Александр ясно предвидел те трудности, которые должны были встретиться на пути осуществления его планов и которые заключались главным образом в недостатке материальных средств и надежных людей. Поэтому он предполагал обустраивать миссию постепенно, начав с самого необходимого, но с настойчивостью и постоянством. «Предполагается, — писал преосв. Александр 23 июня 1882 г. преосв. Амвросию, — что Миссия прибудет на Иссык-Куль не вся вдруг, не за один раз в полном своем составе. К концу предстоящей зимы прибудет эконом, осенью будущего года могут прибыть настоятель либо его помощник с одним иеромонахом, и до окончания постройки храма этого будет достаточно. Осмеливаюсь так думать потому, что при одновременном полном укомплектовании Миссии, сверх трудности набрать вдруг требующееся число лиц, по неизбежной поспешности обыкновенно поступают в состав Миссии люди, не подумавшие хорошо и ровно ничего не знающие о том, куда едут и что там от них потребуется, — поэтому, прибывши на место, скоро разочаровываются, скучают и бегут. Во избежание этого, пусть сперва прибудут разведчиками настоятель, эконом и иеромонах. Поживши здесь годик-другой, они будут знать, кого приглашать, с какими качествами, о чем предупредить приглашаемых, что им обещать наверняка и проч.».

Точно так же преосв. Александр не ожидал от Туркестанской Миссии быстрых успехов в деле проповеди Слова Божия. Имея обширный и многолетний миссионерский опыт и хорошо знакомый после продолжительной службы в заграничных миссиях с разными народностями и верованиями, он лучше, чем кто либо другой, понимал, что обращение инородцев ко Христу совершается постепенно и достигается только продолжительной и настойчивым трудом. То, что Православная Церковь была активно включена в процесс колонизации инородческих земель, имело и свои отрицательные стороны. Колонизации новых земель часто сопутствовала и их насильственная русификация, что бросало на Православную Церковь определенную тень. По этому поводу преосв. Александр 20 июня 1881 г., объясняя некоторые неверные представления о сущности духовной миссии, которые ему приходилось слышать от гражданских властей края, писал преосв. Амвросию следующее:

«Наша местная администрация, состоя почти исключительно из военных, усвоила себе издавна особенный, своеобразный, чисто военный взгляд на духовную миссию. В ее представлениях духовная миссия для обращения, положим, киргизов или калмыков совершенно сливается с представлением о военном отряде, которому приказано, допустим, завоевать

Кашгар, либо овладеть китайским городом Ши-хо. О мирном, терпеливом, настойчивом, незаметном для поверхностного наблюдателя, но тем не менее действительном благотворном влиянии духовного миссионера на иноверческие массы, об ослаблении в них мало-помалу фанатизма, нетерпимости, предубеждения и недоверия, о разъяснении недоразумений и ложных понятий о рассеянии предрассудков и суеверий, о сближении исподволь с русским православным населением на почве честного труда, повиновения закону, уважения властям, заботы об общественном благе и проч., – одним словом, обо всей этой мелкой, но, безусловно, необходимой подготовительной работе, требующей и ума, и много настойчивости и терпения, не бьющей на эффект и скромной, но тем не менее фундаментальной, – светские администраторы обыкновенно отзываются слишком легко, с недоверием и в умных и дельных миссионерах подобной склонности к “толчению воды” не допускают».

К сожалению, обширным замыслам преосв. Александра не суждено было осуществиться. Перемещение его летом 1883 г. в Костромскую епархию послужило причиной замедления постройки монастыря и устройства миссии. Вскоре после основания строившийся монастырь оказался разрушен землетрясением 1887 г. Восстановление обители началось только в 1894 г., когда были выписаны насельники из числа братии Валаамского монастыря. Однако новые монахи не занимались не только миссионерской проповедью из-за отсутствия соответствующей подготовки, но и не могли толком наладить монастырское хозяйство. По свидетельствам современников, бедность обители, на которую часто жаловались иссык-кульские насельники (при том, что обитель обладала сотнями десятин плодороднейшей земли), происходило единственно от «скудости умственных сил» и неумения взяться за дело.

Подвижнические труды преосв. Александра на Туркестанской кафедре были по достоинству отмечены высокими наградами. 20 апреля 1880 г. преосв. Александр был награжден орденом св. Владимира III степени. А 28 марта 1882 г. Высочайшим указом был награжден орденом св. Анны I степени. В императорской грамоте было сказано: «Достойное пастырское служение Ваше на отдаленной окраине империи, снискавшее Вам общую любовь и уважение местного населения, Ваша ревность в назидании паствы и примерная попечительность о благоустройении и созидании храмов Божиих, приобрели Вам право на особенное Монаршее Наше внимание». 27 января 1883 г. еп. Александру, согласно его собственному прошению, был предоставлен отпуск для поездки в европейскую Россию, куда

Преосвященный и отправился 30 апреля.

В течение этого отпуска преосв. Александр посетил Москву, Петербург, Витебск, где навестил своих родных, а также Тверь, где был с любовью встречен преосв. Саввой. В Туркестан преосв. Александру уже не суждено было вернуться. 7 июня 1883 г. скончался епископ Костромской и Галичский Игнатий (Рождественский). Узнав об этом, преосв. Александр, давно тяготившийся своим пребыванием в Туркестане, начал хлопотать в Св. Синоде о назначении его на вакантную Костромскую кафедру, в чем ему выражал сочувствие и митрополит Исидор. Хлопоты его увенчались успехом: 6 августа 1883 г. Высочайше утвержденным докладом Св. Синода он был назначен епископом Костромским и Галичским. Таким образом, начался завершающий этап священнослужения преосв. Александра. Видится, что отсутствие миссионерства среди мусульман вызвано даже не тем, что у епархии не было сил и средств для такой деятельности. Умнейшие из православных деятелей в Туркестане понимали, что центральноазиатские народы более тысячелетия назад сделали свой исторический выбор в пользу ислама, и попытки поколебать их религиозно-национальные устои могут привести к нежелательным последствиям.

Литература:

1. Александр (Могилев), митр. Преосвященный Александр (Кульчицкий), православный миссионер (1826–1888). М.: изд-во Дом «Наша Родина», 2012.
2. Владимир (Иким), митр. По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. М.: изд-во Сканрус, 2011.

О.И. Ходаковская

Архивариус Санкт-Петербургской епархии, Россия

«ТВОЙ НЕИЗМЕННЫЙ НЕОФИТ...»

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ НЕОФИТ (НЕВОДЧИКОВ), ЕПИСКОП
ТУРКЕСТАНСКИЙ

В фокусе данного исследования – личность, имеющая прямое отношение к истории Среднеазиатской епархии. Это епископ туркестанский и ташкентский Неофит (Неводчиков). Наша задача – обогатить наши представления об истории Туркестана живым портретом с «лица необщим

выражением».

Есть воспоминание одного туркестанца, подхваченное краеведом В.Н. Проскуриным. Перед публикой, встречающей епископа Неофита в Ташкенте, он «предстал старичком с закрытыми глазами, с жиденькой бородой до пояса, и с длинными, спускающимися по обе стороны груди волосами. Черная ветхая ряса на почти высохшем теле и помятая черная камилавка на голове».

Но так ли незначительна и маловыразительна была личность Неофита?

Епископ Туркестанский Неофит не принадлежит к числу тех, говоря о которых мы вспоминаем строки: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Девять лет его пребывания на туркестанской кафедре были относительно спокойным периодом царствования Императора Александра III. Хотя драматический момент в период его правления все же был. Это – страшное верненское землетрясение 1887 года, которое застало его в архиерейском доме на рассвете 28 мая.

Преосвященный Неофит, он же Николай Васильевич Неводчиков, происходил из дворян Екатеринославской губернии. Родился в Петербурге. В силу разных причин отец вернулся на родину и поступил чиновником в Екатеринославскую духовную консисторию. По этой же цепи обстоятельств сын его учился в Екатеринославской духовной семинарии. В 1840 году юноша Неводчиков поступил учиться в Московскую духовную академию. Она и в ту пору, как теперь, находилась на территории Троице-Сергиевой Лавры. Через 40 лет владыка говорил о «родной, любимой лавре, которая ему делается все дороже, и что там ему хотелось бы умереть». На памяти семинаристов его поколения была смерть Пушкина. А когда будущий туркестанский архиерей проходил курс духовной академии, учащиеся узнали о кончине другого русского поэта... Эти моменты позволяют представить эпоху, известную нам чаще по литературным биографиям. Но параллельно с известным нам литературно-художественным миром существовал другой – церковный. Два этих мира не были отгорожены стеной. Свидетельством тому служат дальнейшие события в жизни выпускника Московской духовной академии Николая Неводчикова.

По рекомендации известного ученого-византиста, а тогда еще молодого архимандрита Августина (Капустина), приятеля по Екатеринославской семинарии, Николай Неводчиков становится личным секретарем у известной личности первой половины XIX века, образованнейшего человека своего времени, дипломата, государственного деятеля и духовного писателя – князя Александра Скарлатовича Стурдзы. И если эта личность

не входит в круг привычных «хрестоматийных» фигур первой половины XIX века, то факт этот свидетельствует об ограниченности хрестоматийного историко-культурного поля и только.

Стурдза называл молодого секретаря «костылем своей старости». Но и сам Стурдза стал для Неводчикова поводырем в социокультурном пространстве эпохи. Николай Неводчиков был со Стурдзой в длительной поездке за границей. Вообще, общение с ним, по словам самого Неводчикова, было равнозначно прохождению целого университетского курса.

В 1854 году, после кончины Стурдзы, Николай Неводчиков, писавший под псевдонимом «Диктиадис», опубликовал в «Одесском вестнике» о нем два биографических очерка.

Князь Александр Стурдза

По рождению Александр Стурдза был представителем старинной молдавской аристократии. Тем не менее, он признавался: «Родина моя — Россия: все меня привязывает к ней — вера, служба, привычки и мое сердце». В эпоху Александра Освободителя он состоял на дипломатической службе в Европе и Петербурге. Принимал участие в Венском и Аахенском конгрессах.

Оставаясь дипломатом, этот молдавский господарь серьезно занимался христианской апологетикой. Поэт Жуковский даже называл его «Платоном христианским». Стурдза писал о Православии на французском языке и стал своего рода православным миссионером для Западной Европы. В частности, сделал перевод на французский язык литургии Иоанна Златоуста; также переводил проповеди и сочинения митрополита Филарета.

В юности Александр Пушкин написал на Стурдзу злую эпиграмму, но после личного знакомства мнение о нем поменял. И даже сложил:

Вкруг царей не хожу,

На царей не гляжу...

Вкруг я Стурдзы хожу,

Вкруг библического,

Я на Стурдзу гляжу

Монархического.

Выйдя в отставку в чине тайного советника, князь поселился в Одессе. Пребывая здесь в качестве секретаря, Николай Неводчиков сблизился с людьми, которые были вхожи в дом Стурдзы: деятелями литературы, искусства, Церкви. Чаще всего, они прибывали из-за границы или отправлялись туда из Одесского порта. О некоторых из них – о

Магницком (сподвижнике Сперанского), о Николае Васильевиче Гоголе – Неводчиков оставил опубликованные воспоминания, а после кончины Стурдзы с подробными комментариями издал его переписку с митрополитом Московским Филаретом – в «Херсонских епархиальных ведомостях» (№ 1–3 за 1868 г.); с митрополитом Иннокентием (Борисовым) – в Прибавлениях к «Херсонским епархиальным ведомостям» (№ 1, 8, 9 за 1861 г.); с поэтом В.А. Жуковским – в книге «Переписка В. А. Жуковского с А.С. Стурдзой» (Одесса, 1855).

Из текста одного письма Стурдзы к митрополиту Филарету следует, что эту переписку он диктовал, и написаны письма рукой Неводчикова.

В Одессе Николай Неводчиков помогал своему патрону в организации общины сердобольных сестер и богадельни при ней. Община так и называлась «стурдзевская». Активно во всем этом принимала участие вдова губернатора Одессы, известная по биографии Пушкина, — Елизавета Ксавериевна Воронцова-Браницкая, вложившая в общину 140 тыс. руб. и сама выполнявшая в ней роль сиделки. Именно Николай Неводчиков, к тому времени уже архиепископ Неофит, после смерти надзирательницы этой общины Екатерины Александровны Хитрово, известной по обороне Севастополя, передал для публикации журналу «Русский архив» страницы из ее дневника с ценнейшими сведениями о Гоголе.

В начале 1850-х годов Стурдза рекомендовал Неводчикова преподавателем в Кишиневскую духовную семинарию, попечителем которой являлся. Но географическим центром биографии будущего архиепископа оставалась Одесса. В 1858 году Николай Васильевич вернулся сюда из Кишинева и принял священнический сан. В Одессе проживал последующие 25 лет. Здесь рано похоронил жену, повторяя судьбу благодетеля Стурдзы (и женат он был на одной из двух сестер Яковлевых — воспитанниц Стурдзы). Как и некогда Стурдза, отец Николай во вдовстве воспитал приемную дочь.

С 1874 года начинается переписка протоиерея Николая Неводчикова со своим товарищем по Духовной академии Александром Алексеевичем Невским [1]. Письма охватывают и одесский, и туркестанский периоды и являются редким эпистолярным документом истории туркестанской Церкви XIX века.

Епископ Елисаветградский

Перевалив в Одессе через пятидесятилетний жизненный рубеж, отец Николай мыслил свою жизнь категориями заката, старости. Ведь в юности он много болел, его не раз приговаривали к смерти. И до старости

дожить не надеялся. Но однажды, 11 декабря 1879 года, в письме к товарищу появляются строки: «Не знаю, может быть, ошибаюсь, но почему-то и думается, и верится мне грешному, что моя старость <...> обновится юностью «яко орлею», что Христова сила совершится в моей окаянной немощи, которую сознаю все более и более и что таким образом я таки потружусь и на пользу ближних, и на мое собственное спасение» [1, с. 45]. И действительно, в 1880 году правящий одесский митрополит добился от Св. Синода к себе в помощники второго викария с наименованием Елисаветградского. Выбор пал на отца Николая. Дальнейшее произошло стремительно. 17 мая он был пострижен в монашество, 25 мая возведен в сан архимандрита, а два месяца спустя, 9 мая, надел епископскую мантию. Наречение и хиротония прошли в Одессе.

А ведь еще несколько лет тому назад он писал другу, что задуманное им издание («Одесский воскресный листок») зависит от архиерея, но до него ему, простому священнику, «как до звезды небесной». Теперь, по обязанностям второго викария, он должен был работать с бумагами в консистории и одновременно быть настоятелем Успенского мужского монастыря, находившегося в 12 верстах от Одессы. Местность тогда и теперь называется «Большой фонтан». Дорога туда и обратно занимала много времени, а бумаги утомляли однообразием. Он доверяется другу: «Божественная благодать архиерейства канула в глубину душевную и там лежит сокровищем, никому не ведомым и самому мне недоступным. Как оттуда достать ее – умом не понимаю, а сердцем не угадываю» [1, с. 50].

Уже из Туркестана он писал, что свои монашеские именины никогда не отмечает. «По настоящему, у монаха не должно быть именин; у архиерея тоже не подобает их праздновать, чтобы избежать льстивых поздравлений, а иногда и льстивых подношений» [1, с. 128–129].

На Туркестанской кафедре

Время шло. В 1882 году в списке однокурсников Московской духовной академии из 58 человек он вычеркнул 30, уже отошедших в вечность. А ему самому только предстояло новое поприще, пожалуй, главное, в его жизни. Это была Туркестанская кафедра, куда он был назначен 6 августа 1883 года. За 12 лет до этого, в 1871 году, отец Николай был свидетелем проводов на новую Туркестанскую кафедру Одесского владыки викария Миргородского Софонии (Сокольского). Глядя на вокзале вслед уходящему поезду, думал ли он, что провожает взором свое будущее?

Другу своему, любезному Александру Алексеевичу Невскому, он писал, что добрался в Туркестан отлично: «Из Троицкой Лавры 26-го

сентября; из Костромы на пароходе 2-го октября; из Оренбурга – 13-го октября на почтовых. 20 октября переехал западную границу своей епархии; 29-го октября достиг Ташкента, а 13-го ноября уже совершил первую обедню в Верном». Началось его девятилетнее служение в Азии. Епархия «молода, неустроена, своеобразно тянется на целые тысячи верст, заключает в себя полтора генерал-губернаторства, а церквей и причтов имеет всего 50 с хвостиком. И церкви, и причты чуть заметны среди множества иноверцев» [1, с. 81–82].

Епископ Неофит поселился в Верном, в архиерейском доме, построенном в 1874 году при епископе Софонии. Зимними вечерами он читал и перечитывал проповеди и переписку митрополита Московского Филарета (Дроздова). «Он почти единственный мой собеседник и наставник. Уединенный страшным пространством, окружающим меня отовсюду, и одинокий по самому положению моему, я сделался как бы невольным подражателем и учеником незабвенного святителя: подобно ему, сиднем сижу дома за делами да письмами, выезжаю только в церковь и отдыхаю дома за чтением писем и проповедей Филарета... Утешаюсь многим и учусь многому» [1, с. 82]. Любовь к сочинениям митрополита Филарета пришла к Николаю Неводчикову в доме Стурдзы.

В письме другу он писал, что в ограде перед архиерейским домом поставил крест, который обвивался плетущимися растениями. По бокам в виде цветочных ваз поставил два китайских колокола, а по краям соорудил беседки, тоже заплетенные диким виноградом. В доме на окнах и на балконах — везде у него росли цветы, цвели белые чайные розы, стояла даже карликовая японская сосенка.

Еще одним кровом в городе Верном ему служил загородный домик по дороге в ущелье Медео. При епископе Софонии Туркестанская духовная консистория приобрела здесь у генерала Михайловского дачный участок в 1,5 десятины с небольшим домиком из сырцового кирпича. Неофит любил это уединенное место у слияния двух горных речек: Бутаковки и Алматинки. С западной стороны участка тянулась длинная заросшая осинами гора. На самой высокой ее точке Неофит поставил деревянный семи-метровый крест – в размер креста Спасителя – и любил совершать к нему восхождение. Давно не стало того креста, а за горой так и сохранилось название «Крестовая». Землетрясение 1887 года разрушило дачный домик. Через 20 лет преосвященный Димитрий (Абашидзе) построил здесь небольшую деревянную дачу с домашней церковью во имя преподобного Серафима Саровского. Дачу он называл «Саровской пустынькою».

Подобно преосвященному Неофиту, епископ Димитрий полюбил это место. В 1921 году архиерейская дача – в то время в ней находился детский санаторий – была снесена селом.

Неофит не был, что называется, «душой общества». В одном письме другу Невскому он признается, что его тяготят так называемые архиерейские обязанности, а точнее, «подачки миру, ставшие по давнему обычаю, своего рода обязанностями: визиты, обеды, посещение разных заседаний ученых и благотворительных» [1, с. 70]. Но и в необщительности архипастырь был на виду, его облик и склад были составляющей частью общественной жизни. Священник Михаил Бонифатьевич Колобов слышал о нем спустя десять лет от людей, знавших Неофита не понаслышке. По его словам, «это был воистину смиреннейший раб Христов, скромнейший труженик на ниве Господней, незаменимый в свое время никем; тайный подвижник и молитвенник...» [2].

Неудивительно, что отзывчивый на все подлинное, значительное, епископ Туркестанский Димитрий (Абашидзе) к 50-летию служения старца Неофита в священном сане, а оно отмечалось в 1908 году, поздравил его теплой искренней телеграммой из Верного в Измаил [3].

Землетрясение в Верном

Во вторую половину 1880-х годов Семиреченскую область постигло несколько мощных ударов подземной стихии. В 1885 году было разрушено селение Беловодское. Через два года несчастье пришло к жителям Верного.

На рассвете майского утра город встряхнуло так, что привыкшие к земным толчкам люди всполошились. Многие успели выскочить из домов, а потом началось светопреставление. Город носило по волнам, проходившим в земле, как плот со знаменитого полотна Айвазовского. Европейски отстроенный молодой город сокрушился, пылью ослепив младенцев и взрослых. Говорили, что слепота эта начала проходить лишь через год. Сложнее было с безотчетным страхом, который остался надолго. Едва владыка успел протиснуться в перекошенный дверной проем, как за его спиной рухнули потолочные перекрытия. «Груды мусора обозначали место прежнего Архиерейского Дома» [4, л. 34]. Неофит «получил несколько ушибов в оба плеча и ссадины на обеих руках» [4, л. 4об.]. Тем не менее, в последующие за ударом стихии дни он стоял на городской площади среди развалин: утешал, ободрял, оплакивал. Отпел 169 православных жертв землетрясения и оплакал всех числом 332. Наверное, поэтому верненский художник Хлудов изобразил его на портрете со слезой на щеке.

До самой зимы Неофит проживал в юрте. Собирался переехать к холодам в Ташкент, но к зиме новый архиерейский дом был построен. В письме другу Неофит сообщил, что поселился в 4-х комнатах нового архиерейского дома, светлого и теплого, что в городе уже построено 1000 домов, и строительство продолжается.

Через полгода он отслужил на городской площади панихиду по погибшим и объявил о сборе средств на строительство часовни в память о страшном событии. Она была построена по проекту архитектора Поля Гурдэ при содействии купца М. Аникина. На пояске внешней стороны купола епископ велел вывести слова 17-го псалма: «И подвижися, и трепетна бысть земля, и основания гор смятошася, яко прогнеवासя на ня Бог». В часовне по его же распоряжению установили три иконы: Божией Матери «Знамение», по церковному преданию, спасающей от бедствий, прп. Никиты Халкидонского и святителя Игнатия Ростовского, в день памяти которых произошла катастрофа. Остатки часовни были снесены в середине XX века.

О постройке церквей

В годы управления епархией преосвященным Неофитом церковная архитектура находилась под влиянием различных неблагоприятных факторов. Выделявшиеся субсидии были недостаточны для масштабных сооружений. А после землетрясения Неофит предпочел капитальному строительству временные храмы, чтобы как можно быстрее восстановить церковно-приходскую жизнь. По словам летописца епархии священника Михаила Колобова, «на эту работу много пошло энергии владыки Неофита, и он справился с ней блестяще».

В Ташкенте в 1889 году им был освящен Преображенский собор. В Верном строить кафедральный собор Неофит нашел не ко времени. Собор, находившийся в Большой станице, был разрушен, и к осени в углу нынешнего центрального парка Алма-Аты был построен временный собор. Он простоял двадцать лет, был местом служения пяти туркестанских архиереев — до освящения Вознесенского кафедрального собора в 1907 году. Это было строение барачного типа, более чем скромное, но прекрасен был иконостас, перенесенный из разрушенного собора.

В заочную оппозицию к преосвященному Неофиту встал туркестанский генерал-губернатор Розенбах, отмечавший в докладной записке: «Убогая и скудная внешность здешних православных церквей, по своему резкому контрасту с грандиозными и монументальными зданиями медресе и мечетей не может не производить крайне невыгодного впечатления».

Но Преосвященный Неофит не считал себя виновником такой картины. Свои архипастырские задачи он ставил точно. Изложенное Розенбахом он подтверждал как очевидец с той оговоркой, что на коренных жителей «убогость церквей едва ли производит какое-либо впечатление вообще».

Поездки по епархии и в Иссык-Кульский монастырь

В 1884 году, первой же весной по прибытии в Туркестан, преосвященный Неофит отправляется в поездку по епархии. Колесить по Туркестану он станет ежегодно: весной и по осени. В декабре 1884 года приедет Ташкент и останется там до Пасхи 1885 года. Он пробудет здесь почти 4 месяца, а затем, с 6–7 апреля, начнет кочевать «по Туркестанскому раздолью» на юг и запад епархии и летом вернется в кафедральный Верный. Спустя три месяца, осенью 1885 года, вновь отправится в путь уже на север по Семиречью.

Самая первая поездка, весной 1884 года, была в мужской монастырь, на озеро Иссык-Куль. В очередном письме от 7 июня 1884 года он писал другу: «В Буамском ущелье, тянущемся 48 верст с лишним, я то и дело или поднимался, или спускался по «карнизам» в 2, иногда в 1,5, изредка в 3 сажени [1 сажень – 2 м 13 см] шириною, проложенным по бокам горного хребта. В этих карнизах немудрено слететь в реку Чу, шумящую на дне ущелья и после невольного там купания взлететь на небеса... Однажды над порядочным обрывом одна из 4-х лошадей, везших тарантас, задурчалась, было, немного, переступивши постромку. Всего я посетил три городка да шесть поселков, побывал в семи церквях, из которых две еще строятся, и поговорил с пятью священниками, из которых один архимандрит. Живут здесь они для 2500 православных, в окружении 200000 инородцев, и это, мне говорили, самый богатый священниками и церквями уголок моей епархии» [1, с. 86–87].

Иссык-Кульским монастырем отныне он будет руководить не только «пишущей рукой», а приезжать сюда и оставаться по несколько недель.

Подчас замечается желание идеализировать духовное состояние России XIX века. Святую Русь, которая всегда была лишь идеалом, полагают за прошлое реальное состояние. Иссык-Кульский миссионерский монастырь – миссионерская точка на карте России годами пустовала из-за бесплодных усилий найти ученого иеромонаха, который бы принял заботу о ней. Настоятели же монастырей выполняли предписание направить сюда братию чисто формально: отпускали наиболее бесполезных для себя. Так, в 1886 году в монастырь прибыла братия из Закубанской Михайловской

пустыни... Неофит требовал от них аскетического образа жизни, скромного храма, достаточного для молитв, но монахи желали благолепия и личного комфорта. Мы располагаем выдержками из писем Неофита к настоятелю монастыря иеромонаху Михаилу:

«Говоря откровенно, мне кажутся очень странными ваши просьбы о деньгах. Судя по этим настойчивым просьбам, приходится заключить, что и ваша братия, и вы с нею выехали из пустыни без всяких средств, что ваша бывшая обитель не дала вам ничего из носимых вами там одежд. Если братия нуждается, то пускай потерпит. На это и пошла она в монастырь; пусть по силе, подражает она тем, которые, по свидетельству апостола, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления, хотя весь мир не был достоин их».

«<...> Не лучше ли последовать здешнему обычаю, уже испытанному, давнему и почти повсеместно употребляемому, а именно: крышу залить глиною, под полом сделать так называемый накат, тоже из глины, а пол устлать кошмами? Вы только приехали сюда и еще не успели присмотреться к здешним постройкам. Посоветуйтесь не с одними духовными, а с мирянами, дельными и опытными хозяевами».

«<...> Вот после Каракола был я в городе Джаркенте. Там церковь снаружи почти безобразна: вместо крыши там одна только плоская глиняная заливка, над которой едва заметен маленький куполец с маленьким крестом, а внутри этот храм довольно большой, светлый, чистый, благообразный. <...> Не понимаю, почему Вы не хотите воспользоваться усердием архимандрита Феодосия, предлагавшего старые рамы своей приходской церкви? Не показались ли они Вам слишком простыми, неуклюжими? Опасайтесь суеславного щегольства. Вспомните, как в старину один преподобный игумен нарочно приказал своей братии сносить только что отстроенную церковь, чтобы братия не тщеславила ее красотой и стройностью».

«В отчете есть статьи расхода совершенно произвольные, которые нельзя принять на счет монастыря <...> куплено для себя овчин мелких — 8 рублей, на покрывало — сукна 6 рублей!! Вы получили и прогонные, и подъемные деньги на проезд в Иссык-Кульский монастырь: неужели из них не могли вы употребить ваши 14 рублей на ваши собственные нужды? Подумайте, спросите вашу иеромонашескую совесть: хорошо ли на шубу себе самовольно употреблять деньги, пожертвованные на устройство Божия храма? Разве такой пример видели вы в Свято-Афонской Михайловской пустыни? Строитель ее иеромонах Мартирий пожертвовал

в пользу ее 55 тысяч рублей, а вы сами затрачиваете на себя пожертвованные на устройство церкви небольшие деньги» [2].

Через год возглавлявший закубанскую братию иеромонах Михаил, захватив монастырские вещи, тайно бежал из монастыря. Не была ли слеза на портрете художника Хлудова вызвана еще и одиночеством в его неизменном следовании аскетическим идеалам? Видимо, именно с того времени пошла молва о большой скупости преосвященного, о которой в 1919 году писал и последний настоятель монастыря архимандрит Иринарх (Шемановский) [5]. Скуп ли был Неофит, или благодарен, можно судить, если знать и то обстоятельство, что в 1884 году вышел известный указ императора Александра III о повсеместном обязательном открытии церковно-приходских школ. При этом средства на их содержание предполагались исключительно местные. Лишь при Николае II денежное обеспечение церковно-приходских школ государство взяло на себя. А тогда преосвященный Неофит, зная скудость приходских доходов в Туркестане, принимает решение собрать первоначальный капитал и содержать школы на проценты с него. Он первым от архиерейского дома и домового церкви вносит 300 рублей.

Отчеты владыки Неофита

Отчеты о поездках по Туркестану Преосвященного Неофита в столице считали образцовыми и регулярно печатали в Приложении к «Церковным ведомостям», а также отдельными изданиями.

В поездках Неофит всегда брал с собой Евангелие, подаренное другом Александром Алексеевичем Невским, в которое было вложено фото «седого голубка» – свидетельство сентиментальности его натуры. Но отчеты, составленные по результатам этих передвижений, вовсе не свидетельствовали о бесхарактерности. Он весьма критически относился к ташкентскому духовенству. В Ташкенте произнес: «Готов допустить, что по природе Вы добрые люди; но не могу по совести признать вас добрыми священниками» [6, с. 10]. Причина была в жалобах на поспешность в богослужениях, скороговорки, многочисленные пропуски в службах. Ташкентский священник Невоструев размещал на фонарных столбах объявления о требах по воскресным дням на кладбище. Единственный священник из ташкентского клира, который им был отмечен с похвалой, был горячо любимым ташкентцами о. Александр Верголосов, служивший в тюремной церкви, духовник ташкентского духовенства, живший и умерший в бедности.

Завершение

Бог судил епископу Неофиту долгую жизнь и покойную старость. В начале 1893 года странник, уже по-старчески опираясь на посох, вернулся правящим архиереем в Кишинев, в котором начинал церковное служение, напутствуемый Стурдзой. Стариками стали семинаристы, которым он когда-то преподавал.

В Кишиневе о нем отзывались как о дельном архиерее, гостеприимном хозяине, начитанном собеседнике. Еще через пять лет он вышел на покой и переехал в небольшой городок на берегу Дуная – Измаил. Там был домик, принадлежавший его приемной дочери Елизавете Васильевне Фаренниковой, в котором он поселился с дозволения Св. Синода. За 40 лет до того он приезжал сюда на летние месяцы из Одессы и звал дорогого друга из Москвы в гости. Преданный друг А. Невский скончался еще в 1895 году.

5 апреля 1887 года за дело благоустройства Туркестанской епархии он был сопричислен ордену св. Анны I степени. Через год за подвиги служения во время верненского землетрясения Император вынес ему «искреннюю благодарность» – обстоятельства народного бедствия исключали возможность орденов. Ордена святого равноапостольного князя Владимира II степени он был удостоен в 1891 году. К 70-летию стал архиепископом, а к 80-летию, находясь на покое, был сопричислен ордену св. блгв. князя Александра Невского.

В 1910-ом, 10 марта пробил его час. Его отпели в Покровском соборе города Измаила. На руках гроб перенесли обратно в предместье «Матроска», где он проживал и где его упокоили возле церкви свт. Николая.

Остается добавить, что в 1908 году по случаю 50-летия его служения в священническом сане «Кишиневские епархиальные ведомости» напечатали его переложения на современный русский язык некоторых песнопений церковных служб. Одним из них «Ныне отпускаеши» мы и завершим наше сообщение:

Теперь-то на закате дня,
По слову Твоему меня,
Владыко, с миром отпускаешь.
Благословив на труд дневной,
Теперь отеческой рукой
Меня на сон благословляешь.
На твой надеясь покров,
И смертным сном уснуть готов [7, с. 707].

Литература и источники:

1. Письма архиепископа Кишиневского и Хотинского Неофита к смотрителю Заиконоспасского духовного училища А.А. Невскому. Москва. 1910.
2. Колобов М. Иссык-Кульский Свято-Троицкий мужской монастырь и его окрестности. Верный. 1905.
3. Кишиневские епархиальные ведомости. 1910. № 11.
4. РГИА. Ф. 799. Оп. 16. Д. 526 (О разрушении в г. Верном всех церквей и зданий Архиерейского Дома и Консистории).
5. Архим. Иринарх. «Отцы пустынноики и жены непорочны...» // Вестник трудового народа, 1919. № 58.
6. Туркестанская епархия в 1885 году: отчет о состоянии епархии, представленный Святейшему Св. Синоду преосвященным Неофитом, еп. Туркестанским и Ташкентским. Верный, 1886.
7. Кишиневские епархиальные ведомости. 1908. № 19.

Протодиакон Василий Марущак
церковный историк, Россия

СХИАРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (АБАШИДЗЕ) – КНЯЗЬ, СВЯТИТЕЛЬ, ИСПОВЕДНИК

Эпоха гонений XX века принесла всему миру громадное количество святых новомучеников и исповедников, показавших разлагающемуся от безбожия и неверия человечеству несокрушимую высоту христианского духа, чистоту смирения и святость искупительного страдания.

Одним из выдающихся архипастырей, прошедшим через горнило испытаний и огненных искушений, выпавших на долю нашего многострадального народа, является архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе, возглавлявший Таврическую кафедру с 1912 по 1921-й год и увенчавший свой святительский и исповеднический подвиг старчеством. Родился будущий святитель в селении Веджины Сигнахского уезда в ста верстах от Тифлиса в семье князя Ильи Абашидзе 12 октября 1867 года. Его отец владел обширными земельными угодьями, составлявшими около двухсот десятин.

Князя Абашидзе были не только богаты, но и знамениты. Они состояли в близком родстве с другим влиятельным родом Багратуни, давшим миру великого героя Отечественной войны 1812 года – Багратиона.

Первоначальное образование юноша получил в Тифлисской классической гимназии. После ее окончания он уехал в Одессу и поступил на юридический факультет Новороссийского Императорского университета, в котором в то время было три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. Высокий уровень преподавания (изучался даже санскрит) обеспечивали 35 ординарных профессоров и 14 экстраординарных, в том числе – известный профессор богословия, магистр протоиерей Александр Николаевич Кудрявцев. Курс обучения длился четыре года. Богатейшая университетская библиотека, основанная Николаем Ивановичем Пироговым, насчитывала более 84 тысяч томов отечественных и зарубежных авторов, восемнадцать тысяч экземпляров периодики.

После окончания университета перед юным князем открывались большие и заманчивые перспективы. Он радовал своих родителей умом и многогранным талантом, прекрасно танцевал и фехтовал, в совершенстве

